

Монстра привезли в октябре; или в понедельник к трем (во вторник — правительство), или в среду, но точно: в день, когда Эбергард плавал, нырял и мерз с новой женой под пластмассовыми пальмовыми ветками аквапарка “Титаник” и бегал в турецкую баню согреться; это Улрике уговорила: посмотрим, что это за “Титаник”, пока не забеременела, в общей воде — сплошная инфекция!

Забеременею... Когда... Как забеременею!.. После того как... Когда мы будем ждать маленького... Вот забеременею... Скоро... Улрике обезумела. Пусть и в будущем, впереди, но уже появился долгожданный и зажил ее “маленький”. Радостно и одиноко бредила она, ослепленно, словно из-за какой-то оштукатуренной стены. По аквапарку ступала, завернувшись в синее полотенце с двумя белыми волнами зубчиками, и затуманенно улыбалась:

— Как хорошо здесь будет с маленьким... Но не сразу. Когда ему годика полтора будет. Как думаешь, сколько этому?

А Эбергард — босиком по лестницам, взлетал, оберегая треснувшую от недостатка витамина А пятку, и прыгал в синие, белые и зеленые трубы-кишки, и его мотало-било — туда! сюда! — в мигающей душевной тьме — вперед! и — в пропасть, вслед за визга-

ми ужаса — кто ж так надрывается?! — зажмурился, брызги остро секли глаза, и — бухнулся, как бегемот, в середину бассейна, вынырнул и по-бурлацки побрел к ступенькам, утирая воду и волосы с глаз, протиснувшись меж поджарых, просмоленных солярием теток; они повизгивали, подпрыгивали, выдыхали запахи выпитого и плескались, отмахиваясь от свистков со спасательных вышек, одна пожаловалась:

— А мы никак не вылезем... Тону! — и дважды погладила ему плавки между ног.

Он поднял глаза: а видно небо сквозь стеклянную крышу? — а счастливый сегодня день!

Меж железных ящиков раздевалки Эбергард прошептал:

— Всего-то полтора часа.

Не было его с телефоном — полтора часа! И что-то случилось? Что могло? Двенадцать непринятых и сообщение; сразу толкнулось: дочь, но — нет. Нет. Звонили из приемной Баба — три, депутат-режиссер Иванов-1 и депутат Иванов-2, все друзья — Фриц, Хериберт и Хассо — по одному, два звонка с неопределившегося, один с незнакомого и алкоголик из “Вечерней столицы”, но не Эрн. Дочь не звонила.

Оказалось, это день закрепления новых знаний: Эрне одиннадцать, с августа она перестала звонить. На звонки отвечает, но не позвонит. И некого за это ударить. А хочется! Как ребенок колотит скользкий пол и мебельный угол, выбежавший навстречу. Всё эта... БЖ. Бывшая жена. Вот теперь всё злило — нетопливные, мешающие соседние раздевания, очередь на просушку волос, взвешивания, собственные ошибающиеся конечности — ни одной пуговицы

с первого раза! — словно болеет мама, словно позвонил “у меня день рождения” начальник контрольно-ревизионного управления и придется заносить деньги “на будущее”, за “отношения”, просто подкормить глотку.

Три года из депутатских четырех поглаживал Иванов-2 Эбергарда крошащимся, медленно-суетливым голосом, и чем ближе выборы в городскую думу, тем чаще, и всегда отзывался, перезванивал и дозванивался — первым:

— Добрейшего вам, добрейшего вам дня, мудрейший и сильно уважаемый господин Эбергард... Не оторвал я?.. Вы, медиамагнаты, вы формируете там, транслируете? Позиционируете? Всё решаете деликатные вопросы “под ключ”? А мы... Что мы?! — рядовые депутаты городской думы от партии “Единая Россия”... Да мы только отвлека-а-ем своими магазинами шаговой доступности, самовольно установленными “ракушками”... Растопкой снега! Насущными! нуждами! своих избирателей... Там у нас, говорят, новый префект? В три представляют? Что странно — никому не известная фамилия!

Обалдеть. Мэр уволил Бабца. Говорили, да, что после выборов в Госдуму мэр уволит шестерых префектов и половину глав управ — но так говорили после каждого выборов. Говорили: мэр недоволен именно Восточно-Южным — третье место сзади по процентам за “Единую Россию” из всех округов. В районах Панки и Овражки, в серо-кирпичных башнях, заповедниках ЦК КПСС (восемнадцатиметровые кухни, по две лоджии — а когда-то казалось: роскошь!), вдоль президентской летящей трассы “на работу! — с работы!”, за КИРФ проголосовали так, что протоколы переписывали дважды! — вот и говорили: Бабец “не обеспечил”, а еще больше говорили:

Бабцом недовольна Лида — супруга мэра, превращенная волшебством из поздневечерней страховодной заносчицы печенья пожилым вдовцам без надежды замуж в миллиардера; и в каждой префектуре в общем отделе “подснежником” или среди беззаконных узников архива находилась старушка осетинской национальности, с убедительными деталями вспоминавшая: “Лидкин стол вот так вот — напротив моего в нашей норе под номером восемнадцать... Вот и говорю ей: видишь, он сидит допоздна, видишь, томится он... Вставай, бери поднос и иди, неси ему чай — хватай! Кому ты еще сгодишься?!”

“Добротолюбие” — ООО, обожравшаяся империя Лиды, вот эти полгода в такой спешке отжимало все земельные пирожные и торты, особенно — в зажиточном и чистом Востоко-Юге, что в префектурах и управах решили: Путин подал мэру знак — празднуешь Новый год и — вали! — заглатывают напоследок. И с козырной, четной стороны Тимирязевского проспекта “Добротолюбие” с ходу вышибло оформивших уже разрешительную документацию турок — туркам молча показали: заходит сюда вот кто — и они не поползли в суды, чтоб не вылететь из города, страны — навечно! — и не откупать в Генпрокуратуре возбужденные уголовные дела на учредителей; но на соседних двенадцати гектарах промзоны выведенной в область табачной фабрики “Лайка” присели питерские федералы, ребята наглые и прикрытые со всех сторон, — уперлись и Лиде непривычно говорили: “А не пошла бы ты...” Вцепились в питерских и душили все: милиция, СЭС, административно-техническая инспекция, экологи, городские департаменты, астматики, районные советники; голубятники, многодетные, ветераны и студенты письменно протестовали на Старую площадь, миграционная

служба автобусами вычерпывала, осушала азиатскую строительную орду, митинговало окружное отделение Всероссийского общества слепых под охраной казаков Союза кулачных бойцов России. Депутат-режиссер Иванов-1 подвозил в промзону телевизионные караваны и, осторожно опираясь рукой на окрашенный желтым прутик ограждения двенадцати га, поднимал глаза на зрителей с такой скорбью, словно за его спиной — дорогая могила: “Что это строительство даст городу? Нам с вами? Нашим детям? Погибают тихие дворики, где соседи собираются на лавочках под сиренью и пересказывают домашние новости. Мне угрожают. Неизвестный в строительной каске бросил в меня бутылку из-под шампанского, осколками поцарапало ногу до крови. Но — президент Владимир Владимирович Путин призывает нас утверждать нормы права, и я избран для того, чтобы в округе властвовал закон!” Только префектура, только член городского правительства префект Егор Бабец, избитый до синевы полетами между мэрией и всегда очень веселыми представителями администрации президента (те не представлялись, “для связи” оставляли лишь номера мобильных и посреди в целом конструктивно-позитивного обмена мнениями могли вдруг спросить почетного гражданина и заслуженного строителя РСФСР: “Ты че, сука, ты еще не понял, что здесь папины деньги?!”), утратил всякую подвижность, какую-либо ориентацию и плавучесть и, окрашивая кровью окружающую среду, потонул и зарылся в донные отложения, тем более что питерские уже залили фундамент двадцать на пятнадцать на неожиданно появившихся у префекта пятидесяти сотках в Ватутинках — мэр простит?

Мэр, “обеспечив” выборы в Госдуму, удалился в австрийское поместье, взяв страшную паузу в че-

тыре сентябрьские недели, подвесив членов правительства на крюках неутверждения, в “и.о.” — но в прошлую субботу прилетел, и всё, казалось бы, подзабылось и срослось, и мэр — Эбергард видел сам — улыбнулся два раза Бабцу на субботнем объезде реконструкции Бабушкинского аэропорта — и вот...

В машине Эбергард вспомнил: а еще же сообщение! Сообщение прислала БЖ: “Ты мне должен 550 долларов. Я заняла у людей, чтобы купить Эрне вещи на зиму. Это же надо ТВОЕЙ ДОЧЕРИ, а не мне. ДУРА я, что не развелась раньше!!!!!!” — написала Сигилд.

“Членов коллегии”, а по правде, весь начальственный люд, собрали в четырехста пятнадцатой комнате, где когда-то заседал райком Ворошиловского района; за столом размещались, согласуясь с именными табличками, замы префекта, начальники отраслевых управлений и главы управ; служилая мелочь опускалась на стулья вдоль стен и заполняла шесть рядов, выстроенных у дальней от президиума стены, где проще дремать или отправлять эсэмэски любимым.

Без опозданий — славился этим — вступил сухопарый и брезгливый управделами мэрии Торопченко с вынужденной улыбкой, словно подзаблудился и в ресторан придется пройти через дизентерийное отделение, ничего не поделаешь, и масочку не захватил, увеличив паузы между вдохами и смотря под ноги, чтобы ни во что не вступить лакированной обувью. Следом, прицепом, на небольшом, неменяющемся расстоянии тяжело тащился монстр, дергая по сторонам боксерски набывчившейся башкой — или перетужил галстук, или монстру позавчера пришили новую голову и он не до конца еще

к ней привык; и последним — отвязанный, беспризорный, несомый только воздушным течением — Бабец, пошатываясь, как спросонья; казалось, что на лице Бабца раздавили что-то влажное и он не успел вытереться.

— Принято решение, — равнодушно улыбнулся Торопченко, совершая изящными ладонями необходимые движения, используемые в быту для успокоения детей; через два месяца управделами готовился в двенадцать приемов отметить семидесятилетний рубеж, с завершением на речном теплоходе (чудная советская скромность не позволяла, как советовали дети, перебросить двумя самолетами четыреста двадцать близких друзей семьи на карибский остров или, чтоб не позориться, снять хотя бы на две недели яхт-клуб в Анапе по примеру председателя Верховного суда). — Бессмысленно его обсуждать. Мэр имеет право. Восточно-Южный округ, он у нас... э-э... особенный. Егору Ивановичу за работу — большое спасибо, — и сунул, не поглядев куда, в руки вскочившего Бабца букет и грамотку под душераздирающие редкие аплодисменты — словно морско-речное животное умирало и хлопало лапами.

Бабца вызвали на тринадцать тридцать к Торопченко, даже не к вице-мэру и, едва префект ВЮАО, выбравшись из двойных дверей, прогудел: “Георгию Валентиновичу, уважаемому, наш поклон и здравствовать...” — ему, не предложив “присядь”, показали монстра: ваш новый префект, отправляйтесь и представьте коллективу, позвоните в префектуру, чтобы подготовили букет там и грамоту какую — это было особенностью работы правительства: всегда должны быть цветы, достойно; обратный бывший и будущий префекты покатили в одной машине.

Эбергард подумал: о чем они могли говорить под жадное молчание водителя? А вот от Борисоглебского моста и начинается наш округ... Да-а, по цветникам держим первое место... Вы не у нас прописаны? Да-а, я уже три года в отпуске не был... Скорее всего Бабец молчал. Он плохо запоминал имена-отчества и забыл, как обращаться к монстру.

Кончалась четырехлетняя, теперь показавшаяся мимолетной, очередная эпоха.

Замы тревожно и виновато впитывали движения Торопченко, уже отстраненно косясь на Бабца, как на размытое и испорченное несвоевременным движением изображение: бесполезно, “удалить”, ничего не разглядишь толком, — и страшились взглянуть на монстра, но жажда жгла: какой он? какой теперь буду я? Только нестигаемо верный первый заместитель всех префектов, щуплый и рыболощый Евгений Кристианович Сидоров не спускал переполненных любовью выпученных карих глазищ с монстра и дружелюбно кивал: добро пожаловать, мне и слов никаких не надо, вижу — это твое место, сынок, наконец-то! — ничего, освоишься, поможем, впряжемся всем миром, навалимся, вот я, опытный подлизасарик, обопришь — сдам всех!!!

Эбергард, как ни клонился, всё равно оказывался виден — преимущественно! — спины впереди как-то подло раздвинулись, противоположно наклонились головы, и между монстром и Эбергардом наискось всей четырьеста пятнадцатой простиралась только прозрачная, воздушная, приближающая пустота. Обязательно запомнит, страдал Эбергард, единственного “члена коллегии” в белом свитере и несерьезных джинсах, краснорожего и распаренного, со слезящимися от хлорки глазами, голова гудела от аквапарковых горок (и тошнило еще неделю); запомнит и по-

думает “а что это там за такая херня?..” — вот и первое впечатление, попал я с этим аквапарком... Монстр нелегко, словно переживая, терпя, сидел, зацепив локтем край стола, опустив неприязненное лицо язвенника, с жеваной, нездоровой кожей на щеках, и не шевелился, лишь изредка, в непредсказуемое мгновение, не связанное с Торопченковыми словами, вскидывал глаза и коротко зыркал из-под свежеподстриженной рыжеватой спортивно-военно-служашей челки; полтинник, прикинул Эбергард, плюс годик-два, откуда? что происходит с мэром? в прежние сильные годы разве бы поставил он префектом на лучший после Западно-Южного округ человека не из семьи?

— Новым префектом назначен... э-э, — Торопченко заглянул в листок, — мы давно знаем... э-э... по совместной работе, м-м... А, вот, советником мэра товарищ... трудился. Советник мэра... — Пора было читать биографию, но на листке управделами биографии не находилось, он огласил только год рождения в Смоленской области, вуз да еще пожал плечами и удивленно обернулся к монстру: — Так вы, оказывается, мой тезка?! Ну что ж, товарищи... За работу!

Не шевельнулся ни один. Кроме первого зама Евгения Кристиановича — тот часто и облегченно закивал, словно получил долгожданный условный сигнал или сам давно задумал сменить Бабца. Молчали. Единственным словом, прозвучавшим в чetyреста пятнадцатой, кроме легких и обыкновенных отпеваний Торопченко, было слово Бабца. Получая букет, бывший префект лающе сказал куда-то поверх, явно не управляющему делами мэрии, “спасибо!” другим дополнительным органом речи, не ртом, что-то в нем дополнительное болезненно приоткрылось, как окаменевшая и заросшая слизистой зеле-

ню раковина, внутри которой блеснуло какое-то дрожащее окровавленное желе.

Эбергард жалел не его — чего Баба жалеть, не маленький, через месяц выйдет (мэр следил, чтобы члены семьи оставались в команде, никаких “в никуда”) замом куда-нибудь в департамент национально-культурной интеграции общественно-научных организаций местного самоуправления; два загородных дома (Ватутинки пока не считаем), пять квартир, табачные киоски племянника и сауны дочери — это только то, что знают посудомойки префектурной столовой, а сколько еще вывесок, учредительных документов и свидетельств о регистрации, под которые нужно вложено, из-под которых будет сочиться и капать...

Эбергард жалел, что не успел переодеться, жалел, что опять придется поначалу бояться, изучать и облизывать. Жалел только себя, время и силы. И вспоминал, как Бабец, заместителем префекта, четыре года назад хохотал на весь четвертый этаж и всем показывал керамические зубы, подковав по окружности и повалив префекта Д. Колпакова.

Д. Колпаков, был такой, таежник, охотник, считал себя знатоком итальянских вин, ходил в лучших, но как-то не так улыбался, когда мэрова Лидия о чем-то его постоянно и нарастающе просила, а потом поручала, а потом приказывала; выполнял, но с таким лицом (казалось Лиде), будто одалживает; с годами... нетерпение — вот что в ней проявлялось; угадав это, Бабец и похоронил Д. Колпакова тайными походами к вице-мэру — они выпивали вместе еще в бронзовом веке, деля кабинет, лоб в лоб под портретом Брежнева в Красногвардейском райкоме ВЛКСМ.

И однажды Д. Колпаков (летал, конечно, слушок), прибыв во вторник на невыдающееся в целом правительство, обнаружил: в кресле “префект ВЮАО” при-

мостился не особо смущенный, но весь какой-то неузнаваемый зам — выходит, уже не зам, Бабец, а у мэра по правую руку заготовлены букет и бумажно-гербовая благодарность Д. Колпакову за безупречную работу на протяжении многих лет. Друзья, члены правительства Колпакову недружно похлопали, он ослеп, заблудился, ломанулся выйти через особую дверь для явлений мэра, а когда Колпакова поймали и проводили к лифтам, он прошел мимо уже не ему автомобиля и два часа ошалевше ходил по городу — пешком! Бабец, вернувшись в префектуру с правительства, трубил в четыреста пятнадцатой ранее скрываемым басом:

— Работать хочу! Работать буду! — и повел приехавшего “представлять коллективу” вице-мэра на заключительную чайную церемонию прямо к Д. Колпакову в кабинет — тепло и долго они там сидели, то заливаясь ржанием, то не издавая звуков жизнедеятельности, среди чужих фотографий детей и фотографий собак, рогатых трофеев и желтозубых медвежьих морд, запасных туфель, набитых мятой бумагой, недорасписанных документов и прочих неостывших и неразобранных личных обстоятельств, вряд ли испытывая неудобство, — в правительстве принято, что приехавший в префектуру вице-мэр чай может вкушать только в кабинете префекта, а префект либо и.о., покинув начальственное место, должен скромно засесть напротив с листком для записи внезапных мыслей и поручений вице-мэра, от своей чашки ни разу не отхлебнув, и лично, не прибегая к телефону, выбежать в приемную кликнуть полногрудую секретаршу в прозрачной блузке, если вице-мэр вдруг пожелает еще “фруктишек” или самым серьезным образом наляжет на балык, которому срочно потребуется пополнение.